

Карамзину, несомненно, была известна эта теория, о чем он прямо сообщил Лафатеру («Я прилежно читаю сочинения Боннета», — писал он 10 июня 1788 (475)). Но и она его не устраивала. «Хотя великий философ нашего времени открыл мне много новых взглядов, — признавался он, — я все-таки не вполне доволен всеми его гипотезами. *Les germes, emboitement des germes, les sièges de l'âme, la machine organique, les fibres sensibles*⁹ — все это очень философично, глубокомысленно, хорошо согласуемо и могло быть и на самом деле <...>, но чтоб было это так на самом деле — я этому не верю, пока верю, что мудрость Господня далеко превосходит всех наших философов и, следовательно, может найти другие, более удобные способы к созданию и сохранению своих творений, чем те, которые ей приписываются нашими Лейбницами и Боннетами» (475—476). Судя по всему, физиологическое обоснование теории происхождения идей не объясняло Карамзину сущности явления.

Вопрос о способе соединения души с телом вырастал для него в центральную проблему познания и самопознания. «Нужно знать себя и со стороны души, и со стороны тела, нужно вникнуть в различные отношения их между собою, чтобы осмелиться сказать: я себя знаю», — писал Карамзин 20 июня 1787 (468). Видя в Лафатере «знатока в науке о человеке», сформулировавшего мысль о неповторимости человеческой индивидуальности, он надеялся услышать от него исчерпывающее объяснение.

Однако Лафатер, отказавшись от какого бы то ни было доказательства, сделал в своем ответе акцент на особом предназначении человека: «*Я существую* — размышляю о своем бытии — и сравниваю его с другими видами бытия — и не знаю ни одного подобного человеческому, почему я называю его царственным, духовным, высоким, предназначенным на продолжение и совершенствование, — и радуюсь этому и больше не мудрствую» (письмо от 16 июня 1787 — 470). По сути цюрихский священник допускал самостоятельность души, ее независимость от опыта. Такой ответ, очевидно, разочаровал юного Карамзина, который в следующем письме отстаивал эмпирическую точку зрения: «Итак, теперь еще невозможно в точности понять связь души с телом, это грустное открытие для того, кто так желал себя познать <...> Я родился с жаждой знания; я вижу, и тотчас хочу знать, что произвело сотрясение в моих глазных нервах: из этого я заключаю, что знание для души моей необходимо, почти так же необходимо, как для тела пища, которой я искал с той минуты, как появился на свет. Как только пища моя

⁹ «Зародыши, вхождение зародышей, седалище души, органический механизм, чувствительные фибры» (фр.).